

Рис. В. ГОРЯЕВА

В ДЕНЬ ТРИДЦАТИЛЕТИЯ МОНГОЛЬСКОЙ
НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Пограничный инцидент.

К Р О К О Д И Л

Былью давнюю...

...и недавно...

...славны волжские берега.

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

Еще кланяемся!...

Гор. Фрунзе, тов. Самаганову — научному сотруднику Киргизского филиала Академии наук СССР, ответственному редактору, составителю, переводчику и пр., и пр., и пр.

Многоуважаемый ответственный редактор!

Кланяемся мы вам по настоятельным, многочисленным, коллективным и одиночным просьбам учащихся и преподавателей средних школ Киргизии. Кланяемся многократно: во-первых, как ответственному редактору; во-вторых, как составителю; в-третьих, как переводчику объемистого труда, называемого «Хрестоматия по советской киргизской литературе», ч. II, для 9–10-х классов средней школы.

Кланяемся и изумляемся, как это вы ухитрились проявить в таком весьма ответственном деле, как составление хрестоматии, «лёгкость в мыслях необыкновенную».

Впрочем, некоторую ясность в вопрос вносит один из педагогов, который, познакомившись с хрестоматией, пишет: «Составители... работали не с умом и знаниями, а только при помощи ножниц».

Но нам кажется, и ножницы покраснели бы от стыда, если бы смогли прочесть всю ту несусветную и вредную чепуху, которая рассыпана на страницах хрестоматии.

Мы просим вас, уважаемый редактор, хотя бы, как говорится, задним числом вдуматься в смысл того, во что вы не соизволили вдуматься при редактировании хрестоматии.

В хрестоматии написано: «Та девица походила на ангела, который легко пишет на олеографии». Хрестоматия утверждает, что это писал Горький. Но это неправда. Горький писал в «Моих университетах» так: «Она была очень похожа на ангела, как их изображают дешёвые олеографии».

Фраза из того же произведения Горького «Точно меня связывало невидимыми путями» в хрестоматии выглядит: «Точно меня поставили на невидимую дорогу».

Другие произведения Горького переводились и редактировались не лучше. У Горького: «Я докажу, что бог умнее грека». В хрестоматии: «Я докажу, что грек умнее бога».

Горьковской матери хрестоматия приписывает чудовищно странную мысль: «Все судьи казались матери невраждебными людьми». В то время как на самом деле: «Все судьи казались матери нездоровыми людьми».

Горький писал: «Разумеется, была потревожена тень Ломоносова».

Хрестоматия расправилась с этой тенью таким образом: «Конечно, под тенью Михаила Ломоносова они тёрлись...».

Только под тенью возмутительной неряшливости можно допустить подобную чужь. И только безответственный редактор и торопливые переводчики могли, например, Вассу Железнову представить учащимся как Васю Железнева; «Георгиевских кавалеров» как «ухажоров из Георгиевки». «Гадкий утёнок» в их переводах звучит как «негодяй по-утиному»; Емельян Пиляй, как Емельян Палай; символисты, как симбалисты; аптека — Артек; экспедиция — эксплуатация; турбина — трибуна и т. п., и т. д.

Если уж правильно называть этот плод торопливости и вопиющей небрежности, так следует на обложке написать «Хрестоматия нелепостей», из которой мы привели только сотую долю ошибок. А сколько в ней поразительных, политически вульгарных выдумок, многие из которых неудобно повторять!

Зная заранее, что вы, тов. Самаганов, обидитесь за то, что мы все лавры приписываем только вам, просим передать наш нижайший и почтительный поклон другим составителям, то бишь вашим соратникам по ножницам, П. Балтину и К. Баялинову.

А ещё кланяемся по поводу выхода в свет вышеупомянутой хрестоматии нелепостей директору Киргосиздата тов. Бердыбекову, главному редактору издательства тов. Абдумамуновой, принимавшим участие в подготовке хрестоматии.

Вынуждены мы поклониться и министру просвещения республики тов. Юнусалиеву, так как на обложке книги упомянуто и руководимое им министерство.

Работникам казанской типографии (Татарская АССР), где печаталась эта книга, мы не кланяемся: они не виноваты в том, что редакторы, составители и издатели постеснялись печатать книгу в своих фрунзенских типографиях.

В последних строках нашего письма выражаем глубокое сожаление, что зря израсходованы 175 тысяч рублей на это издание. Но деньги — деньгами, а вот учащихся и педагогов средних школ Киргизии, которым вместо литературы преподнесли хаптуру, нам особенно жаль: они-то уж совсем не виноваты в том, что составители даже не посоветовались с ними, прежде чем печатать свой огромный и весомый (мы имеем в виду физический объём и вес) «труд» в 55 печатных листов.

Крокодил

НАСЧЁТ ГРАФЫ

Рис. В. КОНОВАЛОВА

День лазоревого цвета,
В каждом взоре синевал
Несомненно, значит это,
Что всерьёз вступило лето
В полномочные права.
...Как-то в сквере, возле дома,
Освежаясь ветерком,
Инженер и предзавкома
(Оба с детских лет знакомы)
Повстречались вечером.
Инженер сказал: — Прекрасно
Ты, брат, выглядишь. Орёл!
Ты неплохо, это ясно,
Выходной денёк провёл...
— О, вчера не знал я скуки:
Было в полдень у меня
Пять лещей, четыре щуки,
Два язя и три линя!
Час досужий, знаешь, друже,
До чего у речки мил!
Я гостей своих, к тому же,
Свежей рыбой накормил.
Пообедав, волейболом
Я занялся. И, смотри,
Я с командой, силы полон,
Сделал счёт пятнадцать — три!
Вот и весь отчёт мой краткий,
Я доволен им вполне.
И скажу: такой зарядки
На неделю хватит мне!..
— Прибедняться не пристало,—
Собеседник отвечал.—
На неделю — это мало,
Хватит даже на квартал!
Отдыхаешь энергично,
Показательно, мой друг.
В общем, лично ты отлично
Свой используешь досуг.
У тебя-то в обиходе
И река и волейбол...
А скажи, как на заводе
Выходной вчера прошёл?
Молодёжь, как видно, лавой
Устремилась на простор,
Где зелёная дубрава
В летний день ласкает взор?

Раскраснелся, словно в бане,
Предзавкома, в позу став:
— У меня в текущем плане
Нету граф насчёт дубрав.
Я в горенье постоянном,
Словно щука на огне,
И хлопот различных с планом
Без дубрав хватается мне!

* * *

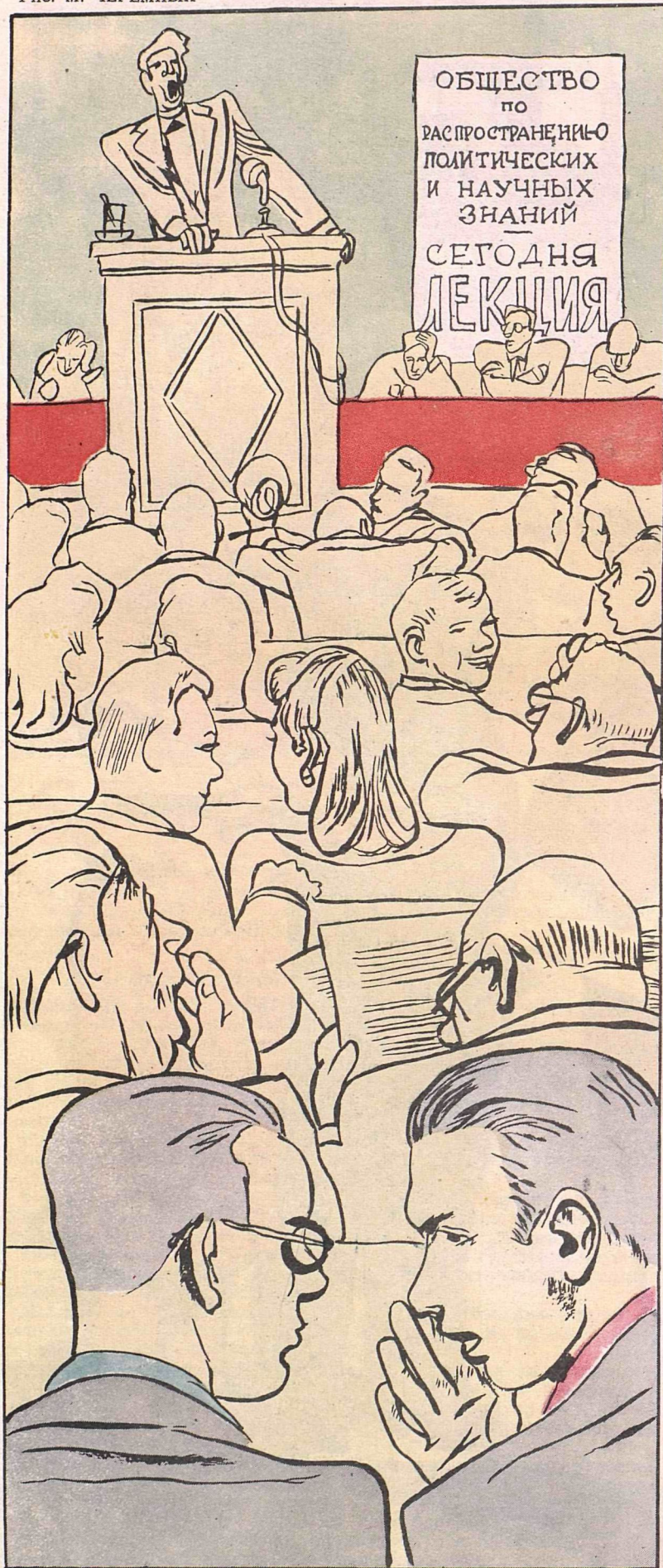
Предзавкома, точный, чинный,
Разграфлённый вдоль и вкось,
На графу взвалил причины:
— Эта вывезет, авось!
И молва о нём правдива:
Он в бумажный узкий круг
Весь зарылся, как барсук.
И ему-то в клёв счастливый
О досуге коллектива
Поразмыслить недосуг!

— Товарищ заведующий, что же это получается: урожай собрали без потерь, доставили тоже без потерь, а чтобы сдать его, пришлось два дня потерять!

Некоторые лекторы Куйбышевского отделения Общества по распространению политических и научных знаний недобросовестно относятся к чтению лекций и допускают в них грубые ошибки.

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

— Странно, из приличного общества, а говорит бог знает что!

ГДЕ-ТО В МОСКВЕ

В СРЕДУ бухгалтер Тимофей Петрович Клепов получил от месткома путёвку в однодневный дом отдыха. Тимофей Петрович ушёл домой в превосходнейшем расположении духа. В пятницу он вышел на работу. Настроение у него было прескверное.

* * *

В четверг утром Тимофей Петрович, безмолвно восхищаясь природой, долго колесил по тенистым аллеям в поисках дома отдыха. Никаких опознавательных знаков нигде не было.

Случайно он наткнулся на унылое, сараеобразное здание, выкрашенное в кирпичный цвет. Это и был дом отдыха...

В ожидании завтрака он бесцельно блуждал вокруг веранды с надписью «Читальня», где в обмен на паспорта выдавали раскладные стулья. Тут же отдыхающие «забивали в козла», сражались в «двадцать одно» и читали прошлогодние номера «Огонька». На скамейке под берёзой, свернувшись калачом, дремал благообразного вида старичок в соломенной шляпе.

— Вы что же стул-то себе не возьмёте? — полюбопытствовал Тимофей Петрович.

— А ну их к лешему! — мрачно отозвался тот. — Вчера сверзился я прямо в пыль с этой раскладушки. Сижу, понимаете, дышу, чувствую, и вдруг — хлоп. Неисправная оказалась...

— Вы и вчера здесь были?

— Был, — вздохнул старик, — путёвка у меня на две недели, вот и маюсь...

Тимофей Петрович сочувственно крикнул и поплёлся в столовую. Он сел за пустующий столик.

Размазав по клеёнке пролитую горчицу, официантка удивлённо уставилась на Тимофея Петровича:

— Вам чего?

— Позавтракать бы.

— Потерпите, гражданин. Посадка ещё не села.

— Какая посадка? — изумился Тимофей Петрович.

— Известно, какая. Вот наберётся за столиком комплект в четыре человека, тогда и подам.

К полудню Тимофей Петрович всё же позавтракал.

Тем временем на раскалённой асфальтовой площадке возле столовой начались танцы. Сияя заученной улыбкой, массовик отплясывал «Польку-бабочку». Однако охотников до падеграсов и кадрилей нашлось немного.

Наконец массовик сжалился, прекратил танцы и возвестил:

— Внимание! Переключаемся на массовые игры! Я говорю первую половину фамилии, а вы — вторую. Начали. Лебедев...

— Кумач.

— Очень хорошо! Барклай...

— Де Толли.

— Чудесно! Немирович...

— Данченко.

— Прелестно! Лев...

— Кассиль.

«Теперь бы в самый раз отдохнуть!» — мечтательно и вместе тоскливо подумал Тимофей Петрович, покидая танцплощадку.

Памятуя безрадостные отзывы старичка, дремавшего на скамейке, он придирчиво выбирал себе раскладной стул.

Расположившись в тени общипанного куста, Тимофей Петрович откинулся на холщёвую спинку и подумал:

«Вот где хорошо-то! Тишина, воздух...»

В этот момент по близлежащей тропинке пропылили велосипедисты. Тимофей Петрович чихнул и покорно закрыл глаза. Неожиданно за соседним кустом нестройный хор грянул:

«Когда б имел златые горы...»

Тимофей Петрович снова открыл глаза, нервно зевнул и задумался. Из этого состояния его вывел футбольный мяч, прилетевший неведомо откуда: поблизости даже волейбольной площадки не было. Мяч ударил ему по темени и пролетел ещё несколько десятков метров.

После обеда Тимофей Петрович с нетерпением ожидал «часа отдыха». Увы, и эти надежды рухнули, как карточный домик.

Он пытался было вздремнуть — и пронзительный свисток милиционера немедленно вернул ему бодрость. Он пытался сосредоточиться — и его мысли прервал оглушительный треск мотоцикла. Шоссе, проходящее рядом с домом отдыха, и отделение милиции, расположенное в самых его стенах, успешно соперничали с танцплощадкой в производстве различных шумовых эффектов.

В заключение на огнедышащем клочке асфальта подвыпивший паренёк под свист и хохот зрителей резво сплясал «Камаринскую»...

«Распорядок дня отдыха», украшавший путёвку Тимофея Петровича, не без юмора утверждал, что всё вышеперечисленное на самом деле представляет собой «физкультурно-массовые мероприятия, волейбол, экскурсии, прогулки, приём норм «ГТО», массовые игры, самодеятельность, лекции, беседы и выставки».

Уходя после ужина по тропинке, ведущей в парк, Тимофей Петрович ещё слышал за спиной хриплый тенор массовика:

— Переключаемся на вальс! Раз-два!..

Тимофей Петрович не обернулся. Он торопился домой.

— Где это происходит? — полюбопытствует читатель.

Где-то в Москве, точнее, в однодневном доме отдыха Сокольнического парка культуры и отдыха.

А. ВИХРЕВ

А В ОБЩЕМ ДЕЛО СДЕЛАНО...

Премьера «Сын республики»
Показана на публике,
Уже билеты проданы
На много дней вперёд.
При встрече с журналистами,
С общественными лицами
Директор сладким голосом
Такую речь ведёт:
— В работу, без сомнения,
Внесутся изменения,
К отдельному изданию
Порядок наведём.
Что снимется, что вставится,
Что заново появится.
А в общем дело сделано
Неплохо в основном.

О повести «Испытанный»,
В журнале всеми читанной,
На секции прозаиков
Вопрос сейчас стоит,
И автор на собрании,

Заслушав замечания,
С завидным хладнокровием
Коллегам говорит:
— В работу, без сомнения,
Внесутся изменения,
К отдельному изданию
Порядок наведём.
Что снимется, что вставится,
Что заново появится,
А в общем дело сделано
Неплохо в основном.

Два здания с дефектами,
Не схожие с проектами,
Комиссия готовится
По акту принимать.
Давно вселились жители,
И гордые строители
Имеют основание
С апломбом заявлять:
— В работу, без сомнения,
Внесутся изменения,

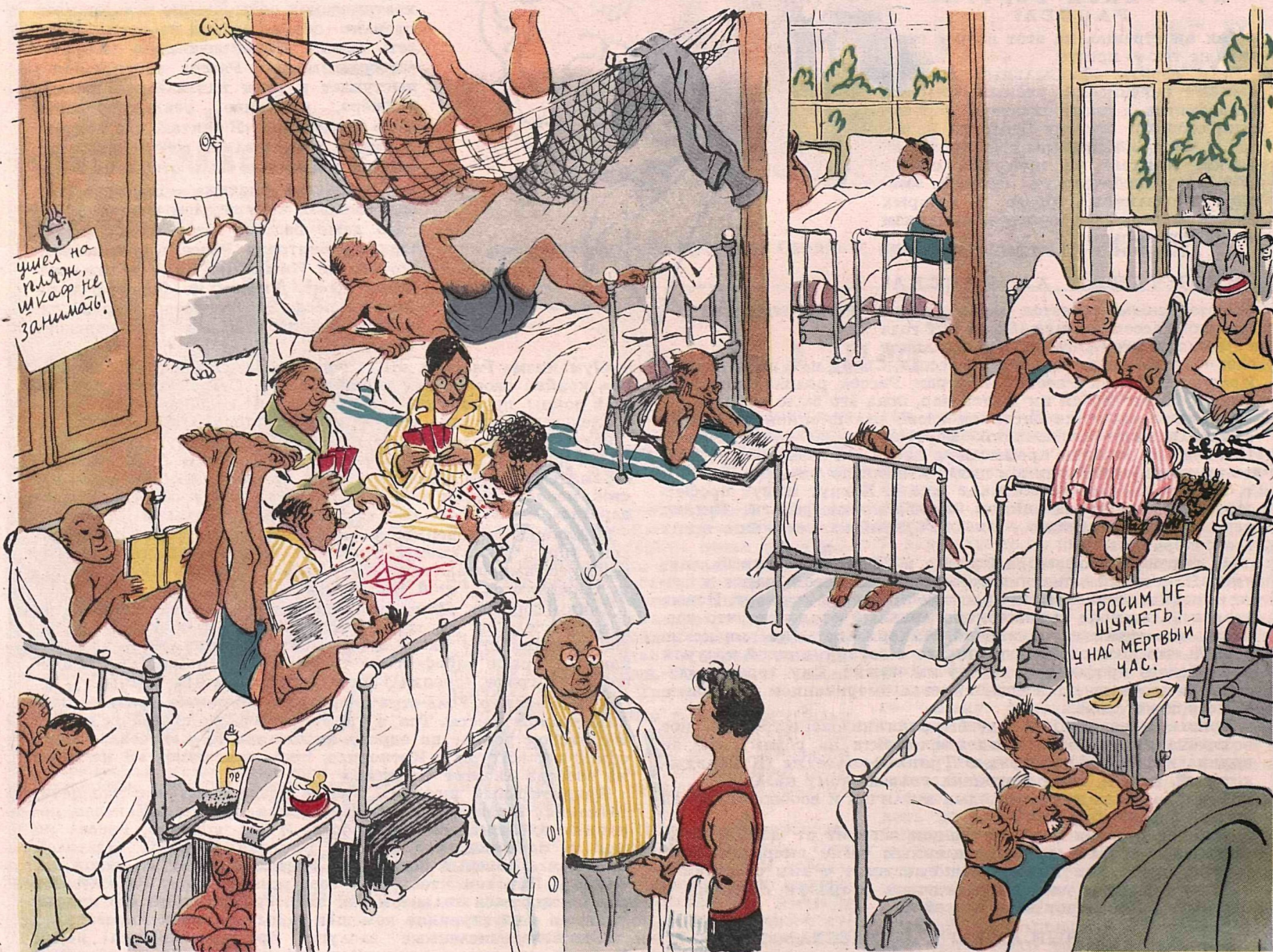
Мы года за два, видимо,
Порядок наведём.
Что снимется, что вставится,
Что заново появится,
А в общем дело сделано
Неплохо в основном.

Мы часто видим новые
Дела, почти готовые,
И слышим в этих случаях
Спасительный ответ:
«В работу, без сомнения,
Внесутся изменения...»
А разве это правильно?
Нам думается,— нет!
Одно святое правило
Подумать так заставило,
Оно известно каждому
И всё-таки в тени,
А чтоб не слушать жалобы,
Всем помнить не мешало бы:
«Готово, так выкладывай,
А нет, повремени!»

В ТЕСНОТЕ И В ОБИДЕ

Рис. Н. СЕМЕНОВА

Некоторые дома отдыха по вине администрации чересчур переполнены.

— Товарищ директор, в такой обстановке невозможно отдыхать!
— Да что вы! Я, например, в такой обстановке работаю и то не жалуюсь!

КОММИВОЯЖЕР УОЛЛ-СТРИТА

ПО АВТОРИТЕТНОМУ свидетельству Мориса Корнфорта, английский лорд Бертран Рассел очень любит детективные рассказы.

Последние публичные выступления самого лорда говорят о том, что он очень не любит журнал Крокодил. Не любит, но читает с ещё большим вниманием, чем любимый детектив. Он поглощает очередной номер советского сатирического журнала с таким чувством, с каким принимают по необходимости горькое лекарство.

В прошлом году Крокодил опубликовал карикатуру по поводу состоявшегося в Западном Берлине реакционного «конгресса свободы и культуры», организованного англо-американскими поджигателями войны. Художник зло изобразил дипломированное человеческое отребье и подписал: «Вот редкий случай, когда отбросы культуры сами собрались на свалку».

С тех пор старый лорд Рассел, избранный, как известно, почётным председателем этого сборища, стал читать Крокодил ещё более внимательно. Он даже удостоил его своим критическим обзором, опубликованным в апрельском номере журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин». Он, представьте, выразил недовольство тем, что советский юмор «служит определённой цели», а он «хотел бы смеяться без чувства того, что смех является полезным». Мы опасаемся, что и настоящий номер Крокодила не развеселит лорда Рассела.

КТО ТАКОЙ БЕРТРАН РАССЕЛ?

Как ни странно, на этот вопрос ответить не так-то просто.

Если верить официальным данным, Рассел — английский учёный, философ и математик, а также писатель. Норвежский стортинг относит Бертрана Рассела к числу выдающихся служителей науки. Поэтому он присудил ему в 1950 году нобелевскую премию «мира» «за различные труды, в которых Рассел показал себя борцом за гуманизм и свободу мысли».

АНГЛИЧАНИН ЛИ РАССЕЛ?

Достоверным является лишь то, что Бертран Рассел родился 18 мая 1872 года в Рвэнскрофте (Англия). Всё остальное спорно, даже национальность Рассела. Спору нет, внук палача Ирландии Джона Рассела, Бертран Рассел родился англичанином. Он оставался им до тех пор, пока это было выгодно.

Исчерпав терпение англичан своей реакционной болтовнёй с идеалистических позиций, Бертран Рассел отправился в 1938 году на отхожие промысла за океан. Он задался скромной целью — заработать чтением цикла лекций по философии.

«В миле от нас философская школа. Вокруг живут профессора и, пользуясь вакациями, зарабатывают деньги. Читают лекции по всем наукам», — писал Горький из Америки о таких гастролёрах.

Но гастроли профессора Рассела в США несколько затянулись. Неистовый защитник всего реакционного в науке и всего империалистического в политике пришёлся ко двору. Новых хозяев Рассела не смущало, что дряхлый лорд пока что воспевал империализм английский. Империалисты американские верили, что время и деньги сделают с восприимчивой натурой английского профессора то, что им нужно. Ему хорошо платили, и незаметно для себя он стал американцем в худшем смысле этого слова.

Пришла пора, и в 1944 году было организовано трогательное возвращение учёного агента Уолл-стрита на родину, где он принял кафедру философии в Тринити-колледже (Кэмбридж), который, кстати, сам он окончил полвека тому назад.

Чему же начал учить молодых англичан и вообще англичан старый английский лорд?

«Англия в своём хлебе насущном зависит от доброй воли Америки...» — таков недвусмысленный тезис американизированной философии Рассела. Он выступает с ним со страниц печати, с кафедр учебных заведений, с трибун собраний и съездов реакционеров всех мастей.

УЧЕНЫЙ ЛИ БЕРТРАН РАССЕЛ?

Он рано порвал свои связи с математикой, наукой точной, но малодоходной. В поисках наживы Рассел устремил свой ищущий взгляд в ту область «научной деятельности», где при-

родная болтливость в сочетании с органической склонностью к лицемерию сулила ему несомненный успех. Уже давно Рассел уяснил, сколь нетребовательны заказчики любого типа философских трудов для «опровержения» марксистской материалистической философии. Рассел решительно встал в ряды идеалистов. Однако он не обременял себя теоретическими исследованиями, объективным анализом исторических фактов. Он знал: когда империалисты ведут войны (а они всегда ведут войны), можно выгодно сбыть с рук любую реакционную теорию.

В поисках аргументов для оправдания агрессии Рассел вдоль и поперёк исколесил все тёмные закоулки идеалистической лженауки, ничем не гнушаясь, всё приспособлявая к запросам заказчиков. Почти ежегодно Рассел выпускал в свет

объёмистый фолиант философских измышлений. Такая высокая производительность объясняется, однако, не столько талантом мыслителя, сколько способностью Рассела к воровству. У епископа Беркли он украл тезис: материи не существует; у Маха — всё существующее является моим ощущением; у Юма — все наши знания являются выдумками. В поисках мыслей Рассел обратился к древнегреческой философии. Он не стеснялся в равной мере заимствовать и у Платона и у его противника Аристотеля. Свою насквозь пропитанную духом империализма книгу «Власть» Рассел построил на украденных у вульгарного социолога Дюринга и проповедника захватнических войн Ницше положениях: насилие — основа всякой политики, сила есть право. Премированный поборник «свободы мысли» Рассел одновременно выступает в роли назойливого коммивояжера, крикливо рекламирующего свою продукцию. «Я считаю, что моя философия представляет собой такой же шаг вперёд, каким были открытия Галилея в области физики», — шамкает Рассел, зазывая покупателей краденого.

Но даже беглый обзор философской страпани Бертрана Рассела показывает, что это не Иммануил Кант и даже не Огюст Конт. Рассел не философ и не полуфилософ. Это мракобес, усердно отработывающий подачки с господского стола.

«Гуманизм» Рассела, отмеченный нобелевской премией «мира», крайне своеобразен и однообразен. Сторонник англо-бурских войн, проповедник колониальной экспансии Англии, он последовательно стал сторонником Гитлера и Муссолини.

Затем с резвостью, не свойственной философу, он переключился на восхваление фашизма американского. Пожилой лорд стремится научно обосновать идею пресловутого похода на восток, использования атомной бомбы, создания «мирового государства», именуемого «Всемирными Соединёнными Штатами».

Миллиардеры содержат и до сих пор воспитывают престарелого лорда. Им нужен внешне независимый апологет американского империализма, ибо доморожденные философы явно не справляются с этой трудной задачей.

Таким образом, официальные анкетные данные лорда Бертрана Рассела не соответствуют действительности. В графе «национальность» он должен писать: космополит, проамериканец; в графе «профессия» — плагиатор и компилятор философии; в графе «специальность» — поджигатель войны.

Коммивояжер Уолл-стрита превосходно освоил грязные приёмы жёлтой прессы. Так, в упомянутой выше статье он как бы мимоходом роняет по адресу художника К. Елисеева, автора одной карикатуры в Крокодиле, такое замечание: «Я не знаю, на свободе ли этот человек...»

Внимательный читатель, Рассел прекрасно знает, что печатающийся в каждом номере Крокодила художник Елисеев, несомненно, находится на свободе. И уж, конечно, Рассел не мог не заметить, что автором рисунка о съезде «деятелей культуры», который возглавлял Рассел, был тот же художник Елисеев. Впрочем, чтобы дать возможность лорду Расселу ещё раз насладиться талантом так заинтересовавшего его художника, на этой странице помещён новый рисунок Елисеева.

...Вышеперечисленные заслуги пресмыкающегося перед Уолл-стритом лорда и выдвинули его в первые ряды наших клиентов.

В. КРУГЛОВ

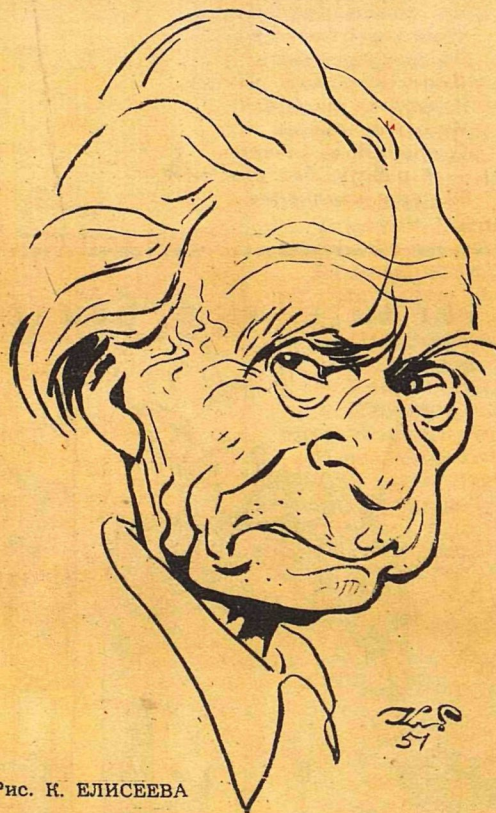

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

КОРОТКО И ЯСНО

ГРЫЗУНЫ

В США развелось колоссальное количество крыс. Особенно много их в Нью-Йорке. Мэр города и муниципальные власти глухи к жалобам населения, так как считают борьбу с крысами «анатемической проблемой».

* * *

В связи с ростом военного бюджета в США увеличиваются налоги, ложащиеся тяжёлым бременем на трудящихся.

Принять бы надо экстренные меры:
В Нью-Йорке злые крысы развелись!
Но жалобам людей не внемлют мэры,
Похожие во всём на жадных крыс.
У населения все его пожитки
Правительство подчистило до нитки,
И не волнует магистрат та малость,
Которая для хищных крыс осталась!

ПРОСЧЕТЫ МАКАРТУРА

В нью-йоркский аэропорт прибыли личные вещи генерала Макарута с Дальнего Востока, общий вес которых достигает 19 тонн. На борту самолёта также находились четыре собаки, ручной багаж — 43 места — и личная охрана генерала.

Должно быть, он перепугался слишком:
С Востока удирая, генерал
Ни стражи, ни собак с собой не взял,
Ни чемоданов с личным барахлишком...

Прославиться мечтал он на века,
А был известен только год с немногим,
Корею он хотел прибрать к рукам,
Но сам едва унёс оттуда ноги!

Сергей ШВЕЦОВ

КОММЕНТАРИИ НЕ ТРЕБУЮТСЯ

Мы публикуем снимок из американской газеты «Пиплз уорлд» и подпись к нему, а также выдержку из заметки в «Дейли уоркер»

ФЛАГ РАБСТВА

THE FLAG OF SLAVERY

SEEMINGLY UNCONSCIOUS of the irony, a U.S. soldier raises the "Stars and Bars" of the Confederate States of America, symbol and banner of the slaveowners in the U.S. Civil War, on a hill near Hoengsang, Korea. The soldier is Cpl. Scott Blomley, Staten Island, N.Y. He said he attended Tulane University in New Orleans and the slave banner was sent to him by a girl friend.

«Американский солдат, повидимому совершенно неспособный понимать иронию, водружает в Корее, вблизи Хэнсона, знамя американских рабовладельцев времён гражданской войны в Америке.

Солдат — напрал Скотт Бломли, из штата Нью-Йорк. По его словам, он учился в университете в Новом Орлеане и знамя рабства прислано ему его подругой».

(«Пиплз уорлд».)

* * *

«Фабриканты, изготавливающие эту ненавистную эмблему угнетения, «довольны созданным положением вещей», — пишет американский журнал «Бизнес уик». — Они едва успевают удовлетворять спрос на флаги».

Песня южан «Юг поднимется вновь» наводни-ла оркестровые программы».

(«Дейли уоркер».)

ПРИНЯТ НА ВООРУЖЕНИЕ В США

Специальный рисунок для Крокодила румынского художника Чик (Дамаднан)

Пистолет системы «де Голль» с правосоциалистской обоймой.

БАШМАК

ЭТО произошло весной в Барселоне в те дни, когда на улицах и площадях второго по величине города Испании бушевала гроза всеобщей забастовки трудящихся.

Горячая лава демонстраций, летучих митингов и факельных шествий затопила огромный город. Впервые после двенадцати лет жесточайшего полицейского террора непокорённая рабочая Испания бросила открытый политический вызов диктатору Франко. «Коротышка» перепугался смертельно. Барселона к тому же компрометировала «каудильо» в глазах вашигтонских покровителей. Вот тебе и «самый прочный режим» в Европе!..

По приказу Франко в Барселону были брошены мощные полицейские резервы и воинские части. Даже военные корабли срочно отправились в барселонский порт, чтобы взять под прицел своих орудий непокорённый город.

Студенты Барселонского университета примкнули к бастующим рабочим. Они прошлись в колоннах по улицам города. Это была странная демонстрация: студенты шли молча, без знамён, без песен и выкриков, но провожал их дружный сочувственный хохот людей, толпившихся на тротуарах. Дело в том, что у демонстрантов пустые карманы их студенческих штанов были вывернуты наружу, и барселонцы прекрасно понимали этот выразительный символический жест.

— Смотрите! — как бы говорили моло-

дые испанцы. — Вот до какой степени нищеты довёл Испанию «коротышка».

На площади у здания университета жандармы и полицейские (символические штаны с вывернутыми карманами доводили их до бешенства) набросились на студентов. Студенты скрылись в здании. И вдруг кто-то из них запустил в жандармов снятым с ноги башмаком. Башмак угодила прямо в нос некоего жандармского гидуальго и несколько подпортил его благородные очертания. Тогда разъярённые охранники блокировали все входы и выходы из университетского здания. Полицейский офицер, сменивший посрамлённого гидуальго, приказал студентам немедленно по одному выходить на площадь через главный подъезд. Одна разутая нога — верная примета! Полицейские ищейки дрожали от нетерпения. Метальщик башмака сейчас будет схвачен!..

И вот студенты стали по одному выходить из здания. Идёт первый — в одном башмаке, второй, третий — в одном башмаке! Все студенты, находившиеся в здании, а их было около трёхсот человек, вышли на площадь в одном башмаке.

Двенадцать лет пытался и пытается мадридский «коротышка» вытравить из характера испанского народа лучшие его национальные черты: рыцарство, братскую солидарность, смелость и остроумие. И ничего у него не выходит!

Случай на университетской площади в Барселоне — лишнее тому доказательство.

А. ЛЕНЧ

БИЛИН-СЕНГЕ в гостях у КРО

ПО МОТИВАМ МОНГОЛЬСКОГО ФОЛЬКЛОРА

СЫН МНОГИХ

ЮНОША, ещё не знающий, откуда берут начало реки, и старик, для которого не было такого горя и невзгоды, каких бы он не испытал, разговорились о Билин-Сенге¹. Юный спрашивал, старый отвечал.

— Когда родился Билин-Сенге?
— Так давно, что можно сказать: никогда.
— Какая мать его родила?
— Сразу все матери.
— А где лежит та земля, на которой родилось его тело?
— Везде, на всех четырёх сторонах.
— Сколько сейчас лет Билин-Сенге?
— Столько, сколько тебе и сколько мне, сколько всем людям вместе и сколько каждому человеку в отдельности.
— А когда он умрёт?
— Никогда.
— Да есть ли он в самом деле, этот Билин-Сенге? — воскликнул разгорячённый юноша.

— Да, он есть, — спокойно отвечал старец. — Когда я мудр, он во мне, когда ты весел, он в тебе.

* * *

Это было давно — во времена ханов.

По пыльной улице старой Урги медленно шёл человек. На востоке уже разгорался огромный костёр дня, жители начали поднимать верха юрт. Человек был одет по-праздничному: бархатная шапка с острым белым верхом, от которого назад к разрезу тянулись две красные ленты; шёлковое дели белого цвета, в несколько оборотов туго перехваченное зелёным кушаком; гутулы с задранными сверху носами. Но весь этот весёлый и яркий наряд мало соответствовал внутреннему состоянию человека. Его загорелое лицо было задумчивым и даже грустным. Присмотревшись к нему, можно было догадаться, что этот человек давно не был в Урге и сейчас ходил по улицам и осматривал город.

Первым живым существом, попавшимся на глаза человеку, была жирная Дулма, служанка торговца чаем. Во всём городе к этой женщине без презрения относилось только почерневшее от времени изваяние каменной бабы, стоявшее на ближнем перекрёстке улиц.

Дулма несла на голове большой чугунный котёл, поддерживая его двумя руками. Увидев человека, она остановилась.

— Здравствуй, вун! — сказала она так громко, что в ответ на её слова в соседних дворах залаяли собаки. — Ты опять появился здесь? А ну-ка, скажи мне какую-нибудь небылицу.

— Мне некогда, я спешу: видишь, на небе пожар.

Дулма всплеснула руками и подняла голову вверх. Котёл упал с головы и разбился. Вслед за грохотом котла из уст Дулмы понеслась та-

кая крепкая брань, что человек, подталкиваемый ею в спину, зашагал быстрее.

Вскоре он подошёл к базару. Богатство и бедность всегда чуждаются одно другому и держатся на расстоянии. Здесь же, на базаре, всё перемешалось, слилось в один поток и несло рядом: шелка и лохмотья, золото и грязь. Здесь более всего трудились языки и руки. Человек стал наблюдать за руками людей. Перед его глазами мелькали быстрые, нахальные руки торговцев; тихие, осторожные руки покупателей; одеревеневшие, как у мертвецов, застывшие в неподвижности руки нищих. Не успел человек как следует разобраться в происходящем, как к его носу приблизилась грязная рука с длинными загнутыми ногтями. Рука принадлежала худому старцу, одетому в изодранное дели и подпоясанному вместо кушака верёвкой из шерсти.

— Богатый человек, — пропищал нищий.

— Я не богатый человек.

— Добрый человек.

— Я не добрый человек.

— Ну просто человек.

— Вот это, пожалуй, ближе к правде. — И человек полез за пазуху, вынул кусок серебра и положил его на руку нищего. От тяжести, а скорее от неожиданности, рука нищего поддалась вниз, к земле, а глаза его полезли вверх, на лоб.

— Нет, ты не просто человек, ты и богатый человек и добрый человек. Я каждый день буду просить за тебя перед небом. Скажи мне твоё имя.

— У меня не одно,

а много имён. Если их все вспоминать, твоя молитва будет очень длинной. А я не люблю утруждать людей напрасной работой.

Нищий ухватил своего добродетеля за полу дели:

— Я не выпущу тебя до тех пор, пока ты не назовёшь свои имена.

— Горе иметь дело с тем, кто привык просить. Ну, запоминай: Билин-Сенге, Далон-Худалчи, Четхир-Ху, Толь-Гинден, Толгой-Шараб, Хиске-Мерген...

Нищий повторял за Билин-Сенге его имена. Потом он выпалил их все подряд скороговоркой.

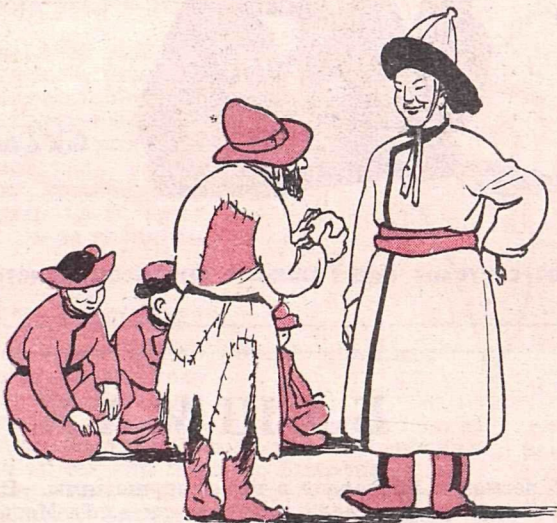
— Послушай, почему у тебя так много имён?

— Я сын многих. Да разве только человеческий сын имеет много имён? Вот смотри, лежит коровий кизяк. Если он густой, его зовут бас, если жидкий, — чацак, когда замёрзнет, — хойту, высохнет, — аргал, когда горит, — тулиш, а когда сгорел, — унис.

— Как можешь ты, человек, сравнивать себя с кизяком? — огорчённо сказал нищий.

— Кизяком топят очаг, он даёт тепло людям. А вот ты, носящий имя человека, что ты даёшь людям? Ну, прощай, я спешу.

— Мудрый человек, великий монгол! — прошептал ему вслед нищий, и крупная, горячая слеза упала в руку, сжимавшую кусок серебра.

Билин-Сенге шагал по базару, весело к знакомым и незнакомым и с жадностью вшиваясь в родную речь, которая шумела зд как бурная река.

— Земля родины — золото, — повторял он по древнее изречение своего народа.

Многие знали, что Билин-Сенге побыва чужой стране.

— Ну, как там, в стране за горами? — спрос его молодой арат, придерживавший за по большого верблюда. — Другая ли там жизнь?

— Я так тебе скажу, — отвечал Билин-Сенг роскошь там другая, а нищета и горе такие как и у нас...

Старый хурчи, сидя на правой пятке под той ноги, выдавливал смычком из хура хр лые звуки и пел:

— Ты думой многих стал, ты улыбкой нар стал, ты нашей правдой стал, всеми любим знаемый всеми Билин-Сенге!

И тотчас у всех людей, стоявших вокруг лин-Сенге и старого хурчи, разом вырвалось груди «Дза!», что означает на языке нар создавшего весёлые творения о Билин-Се «Так!»

Як. РЫЖАКИ

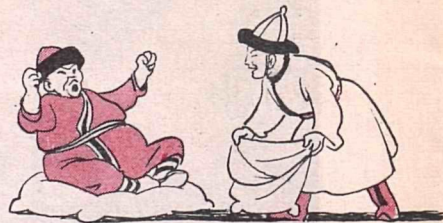
КАК БИЛИН-СЕНГЕ ОДУРАЧИЛ КНЯЗЯ

ОДИН князь, желая развлечься, объявил в ём хошуне, что тот, кто придёт к нему и жет хоть одно слово неправды, получит в на ду мешок денег.

Многим показалось, что сказать неправ дело нетрудное, и вскоре у юрты князя со лась большая толпа народа.

Князь был хитёр и жаден, поэтому какие невероятные истории ему ни рассказывали, кие небылицы ни сообщали, он, потряхивая ловой, говорил:

— Что ж, это всё могло быть, ибо неиспов мы пути неба.

Когда все охотники получить награду по пели неудачу, вперёд вышел Билин-Сенге. В как у него был большой мешок. Раскрыв ме он обратился к князю со словами:

— Я пришёл к тебе, князь, чтобы пол, обратню деньги, которые ты брал у меня взай

Князь перестал трясти головой, удивлё посмотрел на Билин-Сенге и закричал:

— Врёшь, я никогда тебе не был должен!

Сказав эти слова, князь спохватился, но б уже поздно. Билин-Сенге поклонился княз протянул мешок. Деньги из мешка князя п шли в мешок Билин-Сенге.

БИЛИН-СЕНГЕ УЧИТ МУДРОСТ СУДЬЮ

ПЕРЕД судьёй стояли мужчина и женщ Мужчина требовал, чтобы женщина, с к рой он когда-то жил, отдала ему сына. Он з что закон на его стороне, и был уверен, что требование будет удовлетворено. На стор

¹ Билин-Сенге — популярный герой монгольского фольклора.

ОКОДИЛА

вая
слу-
есь,
се-
а в
сил
вод
е, -
же,
ну-
и-п-

ода
ый,
Би-
из
ода,
нге:
н

сво-
ска-
гра-

ду-
бра-

бы
ка-
го-

еди-

тер-
ру-
чок,

ить
мы.
нно

ыло
ю и
ере-

и

ина.
ото-
нал,
его
оне

женщины были только чувства матери, и она со слезами на глазах умоляла не отнимать у неё единственного сына. Пока судья думал, как ему решить спор, к нему подошёл Билин-Сенге и шепнул на ухо:

— Представь себе, что к тебе пришёл бугай и потребовал, чтобы все коровы из его стада отдали ему своих телят. Как бы ты поступил?

Судья ответил:

— Я бы отстегал бугая кнутом и прогнал обратно в стадо.

— А разве не похож на бугая этот молодец? — сказал Билин-Сенге.

Судья удивился мудрости Билин-Сенге, прогнал мужчину, а ребёнка оставил у матери.

МОНГОЛЬСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Задирай рукава, не для драки, а для работы.

Чашей океана не вычерпаешь.

Бесчестье не скроешь от глаз народа.

Гром и народ не заставишь умолкнуть.

Лучшее в коне — верность всаднику, лучшее в мужчине — верность другу.

Нечего замахиваться ножом на блоху.

Пастух в своём стаде знает повадки каждого верблюда.

Спелое — пробуй, старших — слушай.

У заезженной лошади много кнутов, у тёмного человека много молитв.

Одно полено не даст огня, один человек не зародит жизни.

Начало реки в горах, сила вождя в народе.

У молодых дорога не имеет конца.

Ударь одного быка по рогам — вздрогнет всё стадо.

Лекарство горькое, но к выздоровлению; слово строгое, но к пользе.

Безоружная рука храбреца копьё труса обламывает.

Горы мучают коня, злость — душу человека.

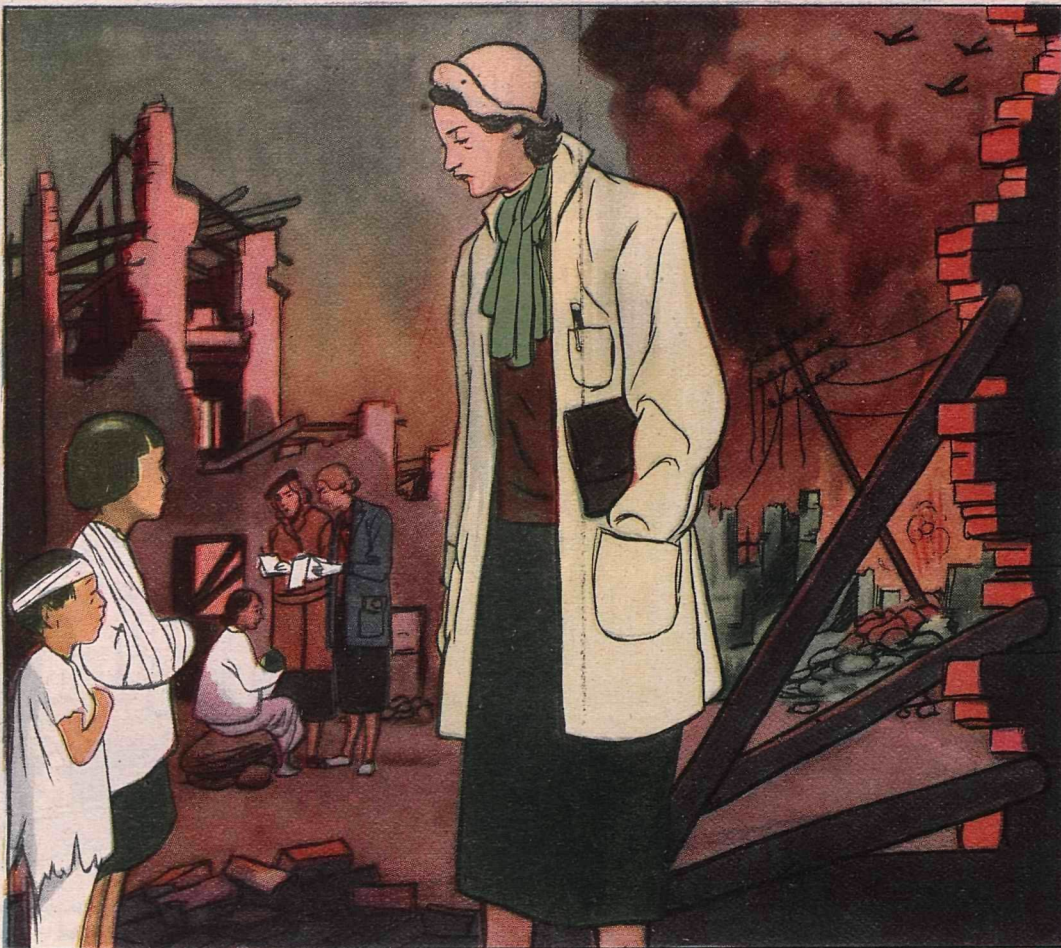
Яд жадности сильнее яда отравленной стрелы.

Чего нет в мыслях, того не будет и в глазах.

Птицу сколько ни мори голодом, она не разучится летать.

Торопливость — несчастье вора, медлительность — счастье вола.

Рис. Ю. ГАНФА

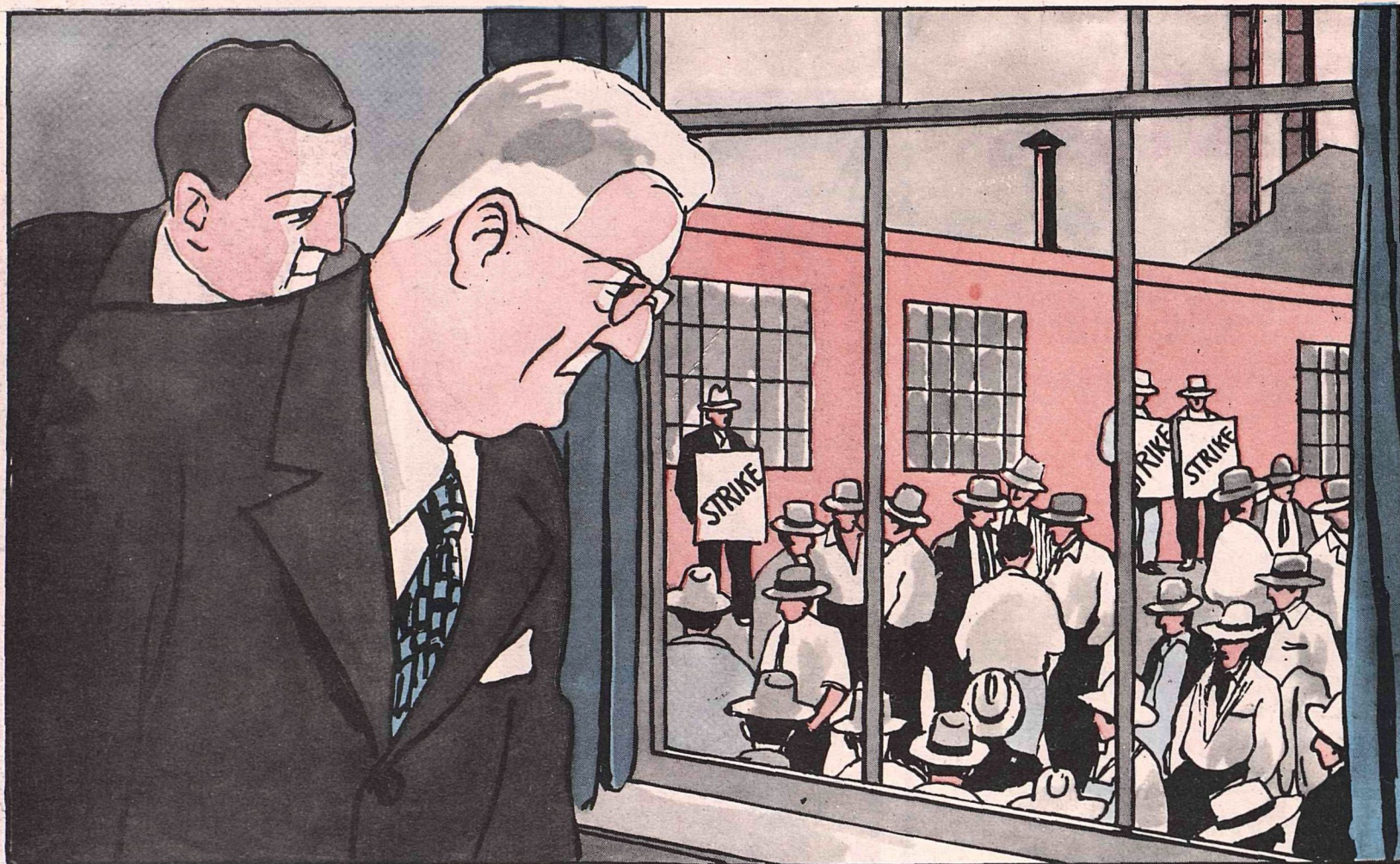

В Корее на каждом шагу она чувствовала руку Уолл-стрита...

...и в Лондоне тоже.

Побывавшая в Корее с комиссией Международной Федерации женщин англичанка Моника Фелтон уволена с работы и преследуется властями.

— Они не имеют права бастовать!
— Потому они и бастуют, что не имеют прав!

ТОВАРИЩ ТУРУТКИН НОВАТОРСТВУЕТ

В РЕДАКЦИЮ пришло письмо:

«Дорогой Крокодил! Пишем тебе по поручению комсомольского собрания. Мы, комсомольцы-паровозники Сальского отделения Северо-Кавказской железной дороги, хотим работать так, как работают лучшие паровозники страны. Мы хотим, чтобы нам открыли «ворота» для скоростной доставки грузов Волго-Дону и расчистили «зеленую улицу» хлебным кольцовкам.

Помоги, дорогой Крокодил!

Члены ВЛКСМ — машинист Лопатин, машинист Афонин, секретарь комитета ВЛКСМ паровозного депо Кочегар Руденко, помощник машиниста Потапов, машинист Скиба, машинист Лаврик, нарядчик паровозных бригад Кириленко».

ПО СЛЕДАМ ПИСЬМА

...Поезд остановился. Проводник вагона вернул нам «для отчетности» проездные билеты, и мы ступили на платформу станции Сальск.

Внешне Сальский узел ничем не отличается от своих железнодорожных собратьев. На разные голоса трубят солисты-паровозы, курскими соловьями заливаются составители поездов, по-пастушечьи подыгрывают рожечники-стрелочники. Временами этот неутомимый оркестр дополняется звуками ударных инструментов: то малиновым перезвоном осмотрщиков вагонов, то лязгающими ударами тарелок — буферов. И, будто опьяненный всей этой музыкой, мимо пронесется хоровод из вагонов, лихо приплясывая и притопывая на стыках.

— На волго-донское строительство отправился, — кивнул вслед одному такому хороводу секретарь комитета комсомола паровозного депо Владимир Руденко. — Ведь вы же знаете, мы южнее ворот Волго-Дона.

— А через сколько часов этот груз будет у строителей?

— На этот каверзный вопрос во всем Сальском отделении едва ли кто рискнет ответить точно.

И Владимир Фёдорович Руденко, почти как в рассказе Чехова «Пересолил», добавил:

— Если дежурит толковый диспетчер да если никто не поме-

шает, то и пяти часов достаточно. А если диспетчер так себе да разные помехи будут, то и суток еле хватит.

Мы изумились столь необычному способу измерения скорости хода поезда и переспросили:

— Это во времена-то пятисотников?

Но Владимиру Фёдоровичу нужно было ехать, и он заторопился на паровоз. Ответ на свой вопрос мы получили от других.

ДВИЖЕНИЕ БЕЗ ДВИЖЕНИЯ

Когда стало известно о патристическом почине передовых машинистов, обязавшихся доводить ежесуточный пробег своих локомотивов до 500 километров, руководители Сальского отделения немедленно ухватились за этот почин.

— Внедрить! Подхватить! Развить! — раздалась команда начальника отделения Николая Ивановича Туруткина. — Впрочем, нет! Это — дело новое, ответственное, передоверить его никому нельзя. Уж лучше сам подхвачу и разовью. Пусть все видят во мне покровителя новаторов, как, скажем, в своё время Аполлон считался покровителем искусств!

На другой день перед Туруткиным стояли три подобранных им машиниста и слушали руководящую речь своего покровителя.

— На дорогах началось движение пятисотников, — напутствовал Николай Иванович. — Поэтому вы, втроем... В общем, вы будете у меня пятисотниками. Понятно? Ну, вот и всё! Только смотрите, чтоб всё было, как полагается..

Так Туруткин заложил в Сальске прочные основы новаторского движения.

Нам довелось встретиться с машинистами, о которых тов. Туруткин проявил столь трогательную заботу.

— Добрых слов для нас у товарища Туруткина найдётся, действительно, много, а пятисотников... пятисотников пока нет, — тяжело вздохнул машинист Титоренко. — Да что там пятисотники! Нас и двухсотниками с натяжкой можно считать! А вы и не удивляйтесь. Паровоз держат на станциях по пяти — шести часов. А начнёшь спрашивать, почему стоим, диспетчер огрызается: «Не ваше дело. С Николаем Ивановичем Туруткиным поговорите. Он вам скажет такое, что не возрадуетесь!». Вот и весь ответ.

— Кроме грузов для Волго-Дона, скоро и хлеб надо возить! — горячился машинист Гамозов. — А мы только и знаем: тут стоим, там на малом клапане ползём, пар на ветер пускаем.

Оказывается, для развития настоящего движения пятисотников необходимо всего одно условие:

Всем выполнять график движения! И строго выполнять!

Скромные пожелания. И посильные. А пока под покровительством сальского Аполлона передовое движение машинистов стоит без движения.

...А В ОСТАЛЬНОМ ПРИКАЗ ВЫПОЛНЕН

Некоторое время тому назад министр путей сообщения издал важный приказ — о порядке работы и организации отдыха паровозников. Приказ выражал собой новую заботу государства о людях железнодорожного транспорта.

— Есть выполнить приказ! — гаркнул Николай Иванович Туруткин. — По всем правилам. Создам паровозникам и на работе и на отдыхе прямо-таки райские условия!

Но дорога к раю оказалась очень ухабистой. Попрежнему трещал график, так же часами паровозы кисли у закрытых семафоров, и где уж тут думать об отдыхе?

Приказ срывался. Как же быть?

И тут на помощь Николаю Ивановичу опять пришёл его особый, новаторский приём: делать так, как не делают добрые люди.

— Создам-ка я на всех направлениях подменные пункты, — решил он. — И тогда всем бедам и несчастьям конец. Да, да! Так и сделаю! Представьте, бригада задержалась в пути, рабочее время кончилось, а тут, пожалуйста, к её услугам подменный пункт с пульмановским вагоном для отдыха и прочим райским комфортом.

И создал.

Правда, у паровозников своё, отличное мнение о новшестве тов. Туруткина.

— К чему привели подменные пункты? К обезличке паровозов, — возмущается машинист Лопатин. — Даже старший машинист не знает, какая бригада поедет на его паровозе дальше.

— А что с паровозным парком делается! — перебил заместитель начальника депо Косолапов. — У нас своих паровозов хватает, а тут ещё из других депо понагнали.

— А к чему всё это приводит? — возбуждённо спросил машинист Титоренко и сам же ответил: — Машинисты не загружены. Подменный машинист товарищ Сасов за десять суток был в четырёх поездках по 36 километров каждая. Вот так и работаем. О пятисотниках только мечтаем!

— И о культурной работе на подменных пунктах тоже только мечтаем, — посетовал машинист Лаврик. — Да и бытовые вопросы не в почёте. А ведь там по месяцу жить приходится!..

Но Николай Иванович теперь спит сном праведника. Он знает, что задержанная в пути бригада на подменном пункте будет ссажена со своего паровоза и уложена спать. А на её место сядут подменщики и поедут дальше. Просто и удобно, и, главное, можно рапортовать о выполнении приказа.

ПО ДЕЛАМ И СЛАВА

Бурная новаторская деятельность Туруткина не замедлила принести свои плоды. За Сальским отделением надёжно закреплено последнее место на Северо-Кавказской железной дороге. Вся текущая работа Николая Ивановича свидетельствует о его старании прочно удержать это место и в дальнейшем.

Теперь руководитель Сальского отделения, как сеятель доброго, пожинает славу. О нём стали много говорить, его имя эхом перекатывалось и на заседаниях, и на собраниях, и на пленумах.

На проходивших выборах парткома фамилия Туруткина была названа одной из первых.

«Партком, конечно, не обком, — мысленно отметил Николай Иванович, — но всё-таки почётно быть избранным. Как-то авторитетней делаешься, солидней».

Правда, ему не пришлось быть избранным. Голоса «против» отеснили собой голоса «за».

«Ничего, — утешал себя Николай Иванович. — Мы ещё своё возьмём. Скоро местком будут избирать».

На выборах месткома его фамилия была названа дважды: первый раз — при выдвижении кандидатур и второй — при объявлении результатов голосования. Н. И. Туруткин оказался в числе неизбранных.

Называли его фамилию и при выборах на районную партийную конференцию. Включили в список для голосования. Но счётная комиссия установила, что фамилия Туруткина зачёркнута в большинстве бюллетеней.

Деятельность Туруткина находит также и соответствующую его заслугам оценку. В 1949 году за зажим критики и крохоборство Сальский райком партии объявил ему выговор.

В 1950 году райком вторично уделил внимание руководителю Сальского отделения: и за обман клиентов, и за очковитательство, и за многое, многое другое. После этого в учётной карточке Николая Ивановича появился ещё один выговор, но уже строгий. А к тому же ещё недвусмысленно признали, что Туруткин не соответствует занимаемой должности.

О Туруткине писали и в газеты, и в Ростовский обком партии, и в управление дороги. Туруткинский «опыт» изучался многими заинтересованными организациями. Среди изучающих были и работники Сальского райкома партии, и представители из Ростова, и руководители Северо-Кавказской железной дороги.

Изучают этот опыт и до сих пор.

И. КОСТЮКОВ,

специальный корреспондент Крокодила

ст. Сальск,
Северо-Кавказской ж. д.

ФОТОВИТРИНА КРОКОДИЛА

КАРТИНКИ С НАТУРЫ О ГОРЕСТЯХ ФИЗКУЛЬТУРЫ

Идёт-гудёт по советской земле весёлое спортивное лето. Запестрели разноцветными майками тысячи превосходных стадионов, водных станций, физкультурных площадок. Точно, по графику добралось спортивное

лето и до Тайгинского узла, Томской железной дороги. Но, как ни странно, оно не вызвало там особого оживления. Взгляните на этот грустный фотоснимок:

Что здесь изображено? Свалка мусора? Декорация к актуальной пьесе о бесхозяйственности? Увы! Это уголок единственного в Тайгинском узле стадиона общества «Локомотив». Можем дополнительно сообщить: кроме полусгнившего и полуразрушенного забора, никакого другого спортивного оборудования на этом сверхзапущенном стадионе не наблюдается.

К сожалению, наш фотоснимок имеет существенный пробел. На нём не запечатлены три местных железнодорожных деятеля:

председатель райпрофсожа тов. Лукин, секретарь узлового парткома тов. Ловяников и начальник отделения дороги тов. Кузнецов. Впрочем, вполне понятно, почему их не удалось запечатлеть: они никогда не заглядывают на забытый Тайгинский стадион. Они только из года в год производят очень красивые и правильные речи: надо, мол, пойти навстречу молодым железнодорожникам! Пора уже повернуться лицом к физкультурной работе! Но... нигде они не идут, и лицо у них не поворачивается.

* * *

А теперь, простившись с Тайгой, совершив экскурсию на берег Иртыша, в город Семипалатинск.

8 июня в «Прииртышской правде» было помещено очаровательное фото: на простор речной волны выплывают несколько лодок, а в лодках молодёжь,

а под волной, лодками и молодёжью умильный стиком: Широкий и величав красавец наш Иртыш.

На лодке по реке приятно прокатиться. Когда вперёд стремительно скользишь, Иртыш звенит, Иртыш струится.

* * *

К вопросу о звоне и струенье Иртыша добавить нечего. Досадно только, что фотокорреспондент «Прииртышской правды» тов. Дронов отдал всё своё внимание воде, а суши-то и не приметил. Между тем именно здесь, на суше, происходит самое интересное (см. наше фото).

Дело в том, что добрая половина утлых посудин, принадлежащих местной лодочной станции общества «Локомотив», рас-

сохлась и тщетно ожидает ремонта. И вот любители гребного спорта, ожидая очереди на действующие лодки, часами сидят на берегу — в бездействующих лодках. Сидят и, наверно, думают: «Как это печально, что среди физкультурных руководителей ещё встречаются подчас мрачные бездельники, а среди газетных работников — весёлые бодрячки, прилежные лакировщики действительности!..».

РЕАЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ

Многие детские книги, выходящие в изданиях райпромтрестов, очень скверно иллюстрируются.

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

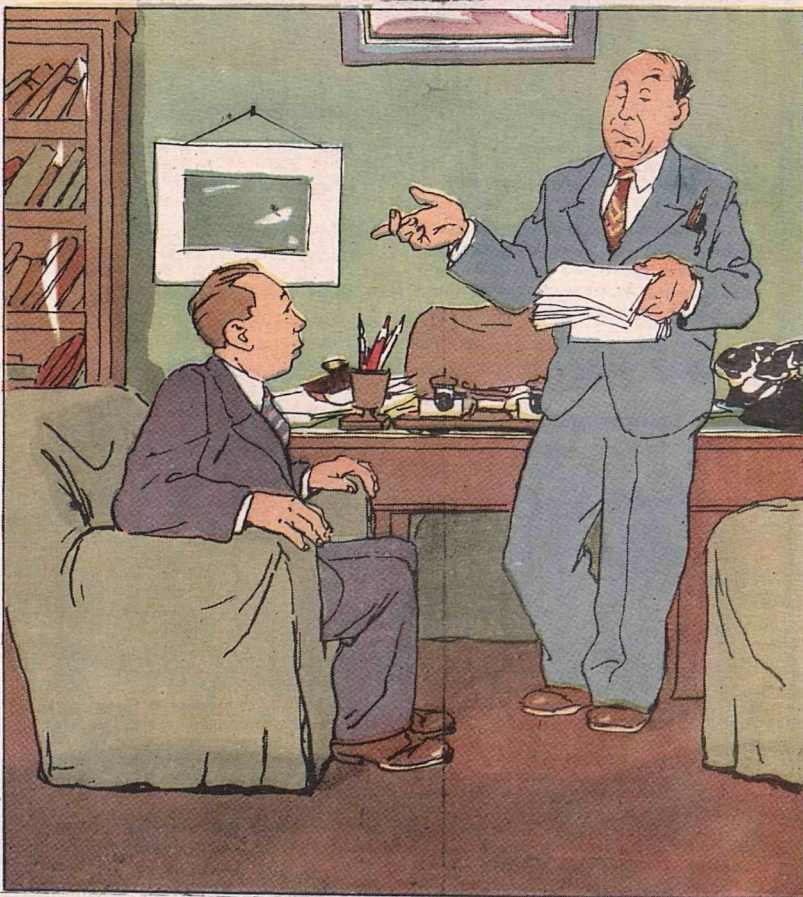

— Дети мои, больше всего остерегайтесь встреч с художниками райпромтрестов! Они вас изуродуют!

В ОБЛАСТНОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

Некоторые областные издательства издают произведения местных авторов лишь после того, как их напечатает Москва.

Рис. А. БАЖЕНОВА

— В вашем романе есть серьёзный недостаток!
— Какой!
— Он ещё не был издан в Москве!

ПО ПЕЧАТНЫМ СТРАНИЦАМ НЕВЗИРАЯ НА ЛИЦА

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ стенограмму лекции В. А. Гебель «Творческий путь Демьяна Бедного» (эта лекция издана большим тиражом Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний), мы невольно вспомнили забавный эпизод из жизни Марка Твена. Как-то раз один мало застенчивый и не очень щепетильный автор читал ему свою комедию. Всякий раз, когда драматург читал какое-нибудь место, которое ему казалось особенно удачным, Марк Твен молча приподнимал шляпу. Когда его спросили о причине этого, он ответил:

— Я всегда здороваюсь со старыми знакомыми...

Такое же чувство владело нами, когда мы углубились в лекцию В. А. Гебель. Нам всё время хотелось приподнимать шляпу и здороваться со старыми знакомыми.

Да, всё это мы уже где-то читали. И вот где. В 1949 году в малой серии «Библиотеки поэта» вышли избранные стихотворения Демьяна Бедного со вступительной статьёй кандидата филологических наук И. С. Эвентова.

Оказывается, не только мы, но читала её и В. А. Гебель. Читала и списала.

Приведём несколько примеров. Слева поставим цитаты из Эвентова, справа — из Гебель.

Во вступительной статье к сборнику «Библиотека поэта» подчёркивается, что одно время басня стала главным поэтическим жанром в творчестве Демьяна Бедного. В лекции, изданной Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний, подчёркивается та же мысль и — какое совпадение! — почти в тех же выражениях:

Басня не случайно стала в творчестве Демьяна Бедного тех лет главным поэтическим жанром... Пользуясь свойственными басне аллегорическими образами, он придавал им ясность политических характеристик.

Басня стала ведущим жанром в творчестве Д. Бедного этих лет... Пользуясь свойственными басне аллегорическими образами, Демьян Бедный придавал им чёткую социальную и политическую характеристику.

Порою автору лекции так нравился оригинал, что он считал излишним утруждать себя, но иногда он всё же слегка переделывал те или иные фразы из вступительной статьи:

Особенно остро в те годы звучал перевод басни «Брак богов», утверждающий неразлучность «сурового бога» империалистической войны с «богиней грабежа и гнусного бесчинства».

Такова переведённая им басня «Брак богов», в которой поэт показывает тесный союз «сурового бога войны» с «богиней грабежа и гнусного бесчинства».

Иногда лектор прибегает лишь к небольшим сокращениям:

Она была закончена автором 7 ноября 1917 г., в день Великой Октябрьской социалистической революции, пользовалась среди читателей широкой известностью...

Поэма, законченная автором 7 ноября 1917 г., в день Великой Октябрьской социалистической революции, пользовалась широкой известностью...

Очень довольна осталась Гебель той фразой в предисловии, где говорится о фольклоре:

...благодаря своей близости к народной поэтике, стихи его получали всеобщее распространение и превращались в фольклор.

Многие его стихотворения настолько близки к народной поэтике, что постепенно превратились в фольклор.

Нет расхождений у Гебель с Эвентовым и по вопросу об отношении Маяковского к Демьяну Бедному:

Маяковский высоко ценил творческую работу Демьяна Бедного. «Стихи Демьяна Бедного», — писал он... (приводится цитата).

Маяковский ценил действительную поэзию Д. Бедного. «Стихи Демьяна Бедного», — писал он... (приводится та же цитата).

По душе пришлось лектору и утверждение автора предисловия о роли Маяковского и Д. Бедного в литературном движении:

...Оба поэта... закладывали основы стиля социалистического реализма в поэзии.

В литературном движении тех лет оба они закладывали основы молодой социалистической поэзии.

Мы могли бы привести ещё ряд таких же примеров, показывающих, какую роль в творчестве В. А. Гебель играют наличие клея и ножниц и отсутствие щепетильности. Но и сказанного вполне достаточно, чтобы выразить сочувствие потерпевшему И. С. Эвентову.

Г. РЫКЛИН

ДЕБАТЫ велись на головокружительной теоретической высоте. Спорщики не спускались на грешную землю. Они довольствовались на первых порах областью чистой теории, абстрагированной от районной действительности.

— Нет, ты скажи мне, кто важнее для торговой точки: рядовой потребитель или руководящий покупатель? — вопрошал председатель правления Завидовского райпотребсоюза тов. Гусев.

Дианов, заведующий райторготделом, задумчиво тёр переносицу:

— В каких это смыслах?

— В смысле преимущественной покупки товаров.

— Предпочтение надо отдавать районному руководству.

— А правила свободной торговли? Правила эти гласят: все равны перед продавцом магазина!

— М-да, тут какая-то туманность...

Теоретический тушик вынул спорщиков спуститься на землю.

— А что, если сделать так? — сказал Дианов. — Магазины торгуют своим чередом. Но ежели надо, мы пускаем товар по запискам.

— Ох, боюсь я этого дела! Не приведи господь, попадут записки в печать.

— Э-э, нет. Цыдулка цыдулке — рознь. Вот, скажем, записка такого фасона: в связи с тем, что податель сего страдает язвой двенадцатиперстной кишки, просим обеспечить его деликатной пищей. Уразумел?

— Ага! Это мысль. Мне нравится. Тут налицо забота о человеке.

Так был открыт путь лечебной записке. И сразу же завидовские потребители были поставлены в особые условия. Нельзя сказать, что они бурно приветствовали это новшество. О, нет! Завидовцы не хотели ничем отличаться от прочих граждан Советского Союза. Им хотелось, чтобы полки их магазина так же ломились от продуктов и товаров, как ломятся они в десятках тысяч магазинов нашей страны. Но других взглядов придерживались Дианов и Гусев. Они решили не утруждать себя массовым завозом наиболее ходовых товаров. Они полагали, что для их собственного благополучия достаточно удовлетворить спрос нескольких десятков районных работников. И в Завидовском районе появился человек с лечебной запиской.

— Ну, как ваша язва? — весело осведомляется обладатель лечебной записки у своего приятеля, такого же мнимого больного.

АКУЛОВСКИЙ НАЧАЛЬНИК

Зазнайство и самовлюблённость, как известно, не украшают человека.

Иван Григорьевич Калинин полтора года управляет Акуловским гидроузлом в Московской области. За полтора года он добился пока немногого: его не уважают, его боятся, к нему всё меньше обращаются.

Этот человек знает только один метод руководства: он пишет резолюции, и он произносит резолюции. С третьего слова он повышает голос.

К акуловскому начальнику обратились работники подсобного хозяйства. Работницы справились насчёт земли под огороды.

Начальник в ответ размахнулся такой булыжной резолюцией:

— Я не обязан всем помогать!

К нему стараются не обращаться и как к депутату райсовета, потому что свои депутатские обязанности он тоже понимает несколько своеобразно:

— Я не обязан! Я не обязан для всех всё делать!

Ивану Григорьевичу стало известно, что к домику ушедшего на пенсию инвалида труда Бугрова подключили воду.

— Отлично!

— Что вы под неё получили?

— Десять килограммов повидла! А вы под свой гастрит?

— Мандариновое варенье и солёные огурцы!

Приятель хлопает друг друга по животам и оптимистически улыбаются.

Сначала записки писались сугубо медицинским языком. Соблюдались, так сказать, какие-то внешние формы приличия. Но вскоре была проведена стилистическая реформа. В основу стиля была положена чарующая краткость:

«Продать товар товарищу Карабанову, как имеющему болезнь».

Или:

«Продать больному 5 килограммов сухофруктов».

Под конец были отброшены всякие медицинские условности. Текст записок стал более непосредственным. К примеру, в одной из них предлагается снабдить товаром завидовскую пожарную команду в связи с выездом на покос. В другой даётся указание обеспечить организацию поминок безвременно скончавшегося пайщика, пожелавшего остаться неизвестным.

Так к середине 1951 года была завершена ликвидация свободной торговли на некоторые товары в Завидовском районе. Восторжествовал принцип распределения. Записка так прочно вошла в быт, что председатель правления Фофановского сельпо тов. Федулаев, явившись в свой магазин, вручил продавцу бумажку, которая началась так: «Прошу продать мне лично...» — и далее следовал перечень товаров.

Результат литературной деятельности завидовских торговых работников — три пухлых тома. В них 300 записок. Разумеется, этим не исчерпывается литературное наследство Дианова и Гусева. Обидно, что председатель Калининского облпотребсоюза тов. Суворов никак не может ознакомиться с эпистолярным творчеством своих подчинённых. Восемь раз отбывали в Завидово посланцы облпотребсоюза, и восемь раз возвращались они с пустыми руками. Несмотря на титанические усилия, ревизоры не могли обнаружить ни записок, ни злоупотреблений.

В чём тут дело?

Судя по письмам, этот вопрос живо интересуется завидовских потребителей, которые, повторяем, не хотят ничем отличаться от других потребителей Советского Союза.

О. ШАТРОВ

И вот уже просвистело в воздухе:

— Как смели? Выключить! Я не обязан всем помогать!

— Почему, Иван Григорьевич? — спросили у непреклонного начальника. — Нашему старику всякий раз полкилометра до колодца придётся ходить...

И тогда начальник ещё пуще разошёлся:

— И воду и свет отключить. Я ему не электростанция!

О грубости и самоуправстве Ивана Григорьевича Калинина не раз говорили на рабочих собраниях гидроузла. Но Ивану Григорьевичу всё нипочём:

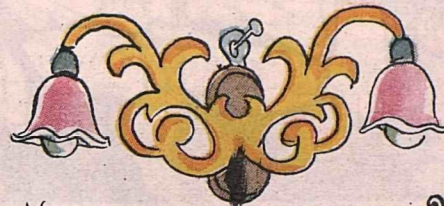
— Я не обязан принимать всерьёз всякую критику!

Трудновато, конечно, согласиться с акуловским начальником касательно того, что он не обязан прислушиваться к голосу критикующих. Но чем мириться со всеми слабостями характера акуловского начальника, не лучше ли другим акуловским и неакуловским товарищам (из треста и главка) проявить свой собственный характер?

М. ЛАЗАРЕВ

ЧТО ЭТО?

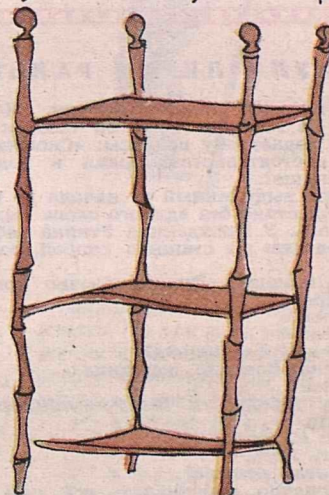
(НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ
К МЕБЕЛЬНЫМ МАГАЗИНАМ)

КРЕНДЕЛЯ ИЛИ КАНДЕЛЯБРЫ?
ИЛИ, МОЖЕТ, КРЕНДЕЛЯБРЫ?

ЭТО ШКАФ ИЛИ СКАФАНДР?
ИЛИ, МОЖЕТ БЫТЬ, ШКАФАНДР?

ЭТА ЖЕРДОЧКА-ЭТАЖЕРОЧКА?
ИЛИ ЭТО ЭТАЖЕРДОЧКА?

ТАБУРЕТ. ПРИНОСИТ ВРЕД.
МОЖЕТ ЭТО ТАБУВРЕД?

Фешемебельный магазин.

За грибами с начальством.

НЕ ТОНУЛИ ЛИ ВЫ РАНЬШЕ?

Представьте себе такую картину. Человек тонет, зовёт на помощь. А другой человек стоит на берегу и задаёт ему вопросы: «Сколько лет? При каких обстоятельствах попал в воду? Не тонул ли раньше?»

Случай этот выдуманный от начала до конца. А вот происшествие без единого слова выдумки. Симферополь. У гражданина Уткина заболела жена. Он звонит на станцию скорой помощи. Разговор:

— Скорая помощь? Прошу срочно прислать врача по адресу...

— Кто болен?
— Моя жена.
— Мужчина или женщина?
— Моя жена? Конечно, женщина.
— Что с ней?
— Не могу определить. Высокая температура. Сильные боли.

— Сколько ей лет?
— Тридцать пять.
— Чем болела раньше?

Трудно, конечно, перечислить всё, чем болел тридцатипятилетний человек, но терпеливый муж докладывает подробно и об этом.

А машина пришла через четыре часа. Очень хотелось бы, чтобы наша скорая помощь стала скорой. И чем скорее, тем лучше.

Я. ЧЕРНОВ

СОЧТЕМСЯ!

Попробуйте решить задачу: сколько метров бостона содержится в одной пружинной дверной петле?

Не подумайте, что эта задача из «серии сумасшедшего математика».

Днепропетровскому главунивермагу понадобилось 15 двухсторонних пружинных петель для дверей. Дирекция магазина обратилась к тульской замочно-слесарной артели инвалидов с просьбой изготовить для них петли и прислать им «калькуляцию и счета для оплаты за 15 (пятнадцать) петель».

Председатель правления замочно-слесарной артели тов. Исупов даже обиделся:

— Какая калькуляция? Сочтёмся! Просят пружинные петли, пожалуйста. Что, я не понимаю, что ли? Дверь без пружины, как балалайка без струны.

И тут же написал: «Директору Днепропетровского универмага. Артель имеет возможность отпустить вам петли в требуемом количестве.

Одновременно правление артели просит 15 (пятнадцать) метров тёмносинего бостона для премирования лучших стахановцев. Отгрузку бостона производите почтовой посылкой. Ваше согласие телеграфируйте.

В Днепропетровске были озадачены такой напористостью.

— Почему именно пятнадцать метров бостона? — недоумевали работники магазина. — Потому ли, что мы заказываем 15 (пятнадцать) петель? По метру бостона, значит, за пружинную петлю?

В самом деле, не кажется ли товарищу Исупову, что он несколько переоценил свою пружинную петлю?

Как видите, задача оказалась несложной. Обыкновенная «задача на извлечение». Немало, как видно, предметов первой необходимости можно извлечь из нехитрого пружинно-замочно-го ассортимента!

Всё дело в умении...

«РАЗ, ДВА — ВЗЯЛИ! И ЕЩЕ РАЗ — ВЗЯЛИ!»

Под эти бодрые возгласы идёт разгрузка вагонов на станции Рамонь Юго-Восточной железной дороги.

— И ещё раз взяли! И вдвое больше того взяли! Грузчики вошли в азарт. Так ловко «они берут, и ещё раз берут, и вдвое больше того берут» не мешки, тюки и не ящики райпотребсоюза. Это так разохотились они денежки брать с грузополучателя.

— Платите тысячу рублей, вмиг разгрузим. Не то штраф за простой, — наступают грузчики на кооператоров.

— Платите им полторы тыщонки, не то штраф наложу, — с другого бока наступает на них станционное начальство.

И кооператоры платят. И их ещё подгоняет ловкая бригада грузчиков:

— Эй, денег не жалеи! Живей раскошеляйся! Только за апрель и май бригада грузчиков-частников отхватила у райпотребсоюза без малого 12 тысяч рублей, не считая штрафа.

Кто же те жадные до денег грузчики-«калымщики»?

А вот кто: председатель месткома Павельев, дежурный по станции Носов, весовщик Щеглева и другие рвачи.

Раз, два — взяли. И ещё раз — взяли. Надо же и за них в конце концов взяться!

Н. ЯШИН

г. Рамонь, Воронежской области.

УСИЛИЯ СОБСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Накануне экзаменов дирекция 33-й Ивановской областной средней школы взрослых разослала заочникам циркулярное письмо. Оно состоит из педагогических наставлений и увещаний, благих пожеланий и трогательных советов.

Вот некоторые из них:

«Занятия будут только в том случае достаточными и глубокими, когда учащийся прилагает максимум собственных усилий мысли...».

Нетрудно догадаться, что этот совет не потребовал от дирекции ни усилий собственной мысли, ни знания русского языка.

«Коллективная подготовка (2—3 человека) возможна», — читаем мы далее. — «По строю занятия следует так, чтобы сильный не снижался до уровня слабого, а слабый ученик знания сильного не принимал бы за свои собственные. Здесь важно проверять друг друга, а помощь должна носить осторожный характер».

Не успели ещё заочники осмыслить, что означает неосторожная помощь, как их ошеломил следующий совет:

«Заучивание наизусть в сочетании с написанием и закреплённое — вот требования советской педагогической науки».

Стоит ли говорить, что требования науки, выраженные в столь изысканной стилистической форме, сильно травмировали заочников. Они уже не смогли должным образом оценить последний совет, который гласил:

«Учить надо для того, чтобы надолго сохранить в памяти выученное...».

А сохранять в памяти «выученное» надо! Как жалко, что этого не поняли в детстве авторы циркулярного письма!

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

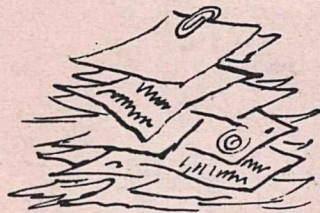
«История прервала течение своё», — писал Салтыков-Щедрин. Почти то же самое произошло и в нашем совхозе.

В мае 1950 года мы возбудили ходатайство о том, чтобы расширить начальную школу и преобразовать её в семилетнюю. Министерство совхозов поддержало нашу просьбу и ассигновало 80 тысяч рублей, о чём и прислало бумагу, сообщавшую:

«Управление совхозов Приморского края обязало Совхозтрест Татарии срочно оформить финансирование работ по расширению школы. Срок исполнения не позднее 1 ноября 1950 г.»

И вот никак не удаётся совхозу дожить до этого срока. При любезном содействии Совхозтреста течение времени было остановлено плотину из кипы всевозможных бумаг. Везде и всюду сейчас лето 1951 года, а школа всё ещё ждёт и не может дожидаться прошлогоднего 1 ноября.

З. ГАРИФУЛЛИН,
секретарь партбюро
совхоза имени Сталина
Тюльчинский район,
Татарской АССР.

Уважаемый Крокодил!

На дворе Липецкого тракторного завода лежат и утопают в грязи так называемые отходы и обрезки цветных и чёрных металлов. Накопилось их там немало: около 2 тысяч тонн. Использование этого ценного, но беспризорного металлолома очень помогло бы заводу снизить себестоимость продукции, улучшить её качество, ускорить выпуск машин.

К сожалению, металлолом не одарён способностью самостоятельно передвигаться со свалки опять на завод. Он валяется и разрушается. Учитывая это обстоятельство, Главцветмет ещё пять лет назад поручил своему уполномоченному И. И. Мурзинову руководить перемещением отходов в цехи.

Уполномоченный старается. Завод ежемесячно получает теперь от него со свалки 3—4 кило обрезков, отторгаемых от 2 тысяч тонн, а он от завода — 900 рублей заработной платы и денежные премии за успехи.

Директор завода относится к кипучей деятельности Мурзи-

ва благожелательно, разрешает ему уделять работе лишь одну неделю каждого месяца, а три остальные посвящать отдыху на лоне природы, в деревне Кадинке. Не препятствует директор этому трудолюбцу и составляет для посылки в главк подложные акты об «отгрузке» не 3 кило, а 300 тонн металлолома. Зачем мешать занятому человеку?

М. ГУЩИН

г. Воронеж.

Товарищ Крокодил!

Кировоградским физкультурникам очень нравился стадион, оборудованный для них.

К сожалению, понравился он и председателю облисполкома тов. В. Г. Комяхову.

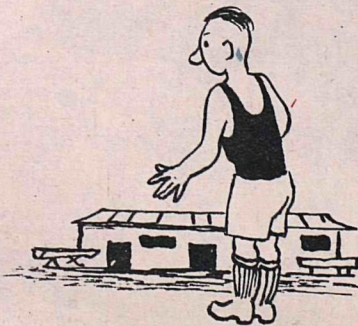
Потребовалось открыть областную сельскохозяйственную выставку. Где же ей расположиться? Нигде, кроме как на стадионе, ответил на этот вопрос тов. Комяхов. Были в городе и другие, вполне пригодные места, но ни одно из них не могло соперничать с благоустроенным стадионом.

Выставки давно уже нет. Но на территории бывшего стадиона остались пустующие коровники и свинарники, хотя исполком и обещал освободить от них стадион. От стадиона же и от физкультурных занятий ничего не осталось.

— Как же это так? Хорошо ли так? — огорчённо спрашивают физкультурники. И надеются, что ответит им на эти вопросы никто кроме, как тов. Комяхов. Ведь он-то остался при своём особом мнении.

А. ИВАНОВ

г. Кировоград.

Дорогой Крокодил!

Директор управления домов отдыха и санаториев ЦК профсоюза тов. Люев, распределяя путёвки, должно быть, очень устал. Только крайней усталостью можно объяснить, что тов. Люев прислал нам, живущим и работающим в Приморском крае, 32 путёвки в дом отдыха в Одессу, у Чёрного моря.

Срок каждой путёвки — девять дней, а езды от нас только в один конец, по меньшей мере, двенадцать!

В том, что в данном случае дело обстоит именно так, тов. Люев легко может убедиться. Пусть совершит небольшое путешествие к нам, а затем, воспользовавшись одной из присланных им путёвок, поедет на отдых в Одессу.

О. ШУМКОВ

Приморский край.

Уважаемый Крокодил!

Прилагаю к своему письму документы, свидетельствующие о незаурядных подвигах А. И. Данилова, бывшего начальника Любытинского рудоуправления комбината «Красный керамик». Объём этих документов слишком велик для воспроизведения их в печати. Изложу суть подвигов вкратце.

В 1948 году Данилов построил для себя дом. По совету и соизволению директора комбината Конарёва и начальника горного управления комбината Черепанова он израсходовал на постройку всего лишь 8 тысяч своих рублей, а комбинатских — 23 тысячи. За такую ловкость рук его привлекли к судебной ответственности, но он изловчился устранить эту неприятность.

Года через два ловкий домовладелец был снят с работы за травлю честных работников, зажим критики и покровительство служащим, неоднократно отличавшимся злоупотреблениями по службе в корыстных целях. И вновь воссиял в роли

начальника производственного отдела горного управления. Опять-таки при содействии Конарёва и Черепанова.

Можно бы рассказать о Данилове и его покровителях ещё кое-что, засвидетельствованное документами... Но недоверчивый читатель, пожалуй, сочтёт такие похождения за вымысел, за «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой».

К сожалению и к удивлению, это не так. Не преданья это и не давнишние дела.

Д. ПЕТРОВ,
секретарь райкома ВКП(б)
Любытино,
Новгородской области.

Товарищ Крокодил!

До чего ты шикарен во фраке и цилиндре! Тебя просто не узнать. Но при всём нашем уважении к тебе нужно сказать со всей откровенностью, что такой наряд всё-таки тебе не к лицу.

АНДРЮШЕНКО, АКУЛЕНКО, КРАВЧЕНКО
и другие работники клуба
рудника имени III Интернационала.

Нижний Тагил,
Свердловской области.

ОТ КРОКОДИЛА. Совершенно согласен с вами, дорогие товарищи! Мне этот костюм вовсе не к лицу. Так же, как не к лицу изображать меня в таком виде на листовках «молниях», выпускаемых в шахтах Высокогорского железного рудника.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, С. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, Б. ПРОРОКОВ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда“. Адрес ред.: Москва, 47, ул. „Правды“, 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 378. Подписано к печати 2/VII 1951 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 04357.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1701.

Тираж 300 000 экз.

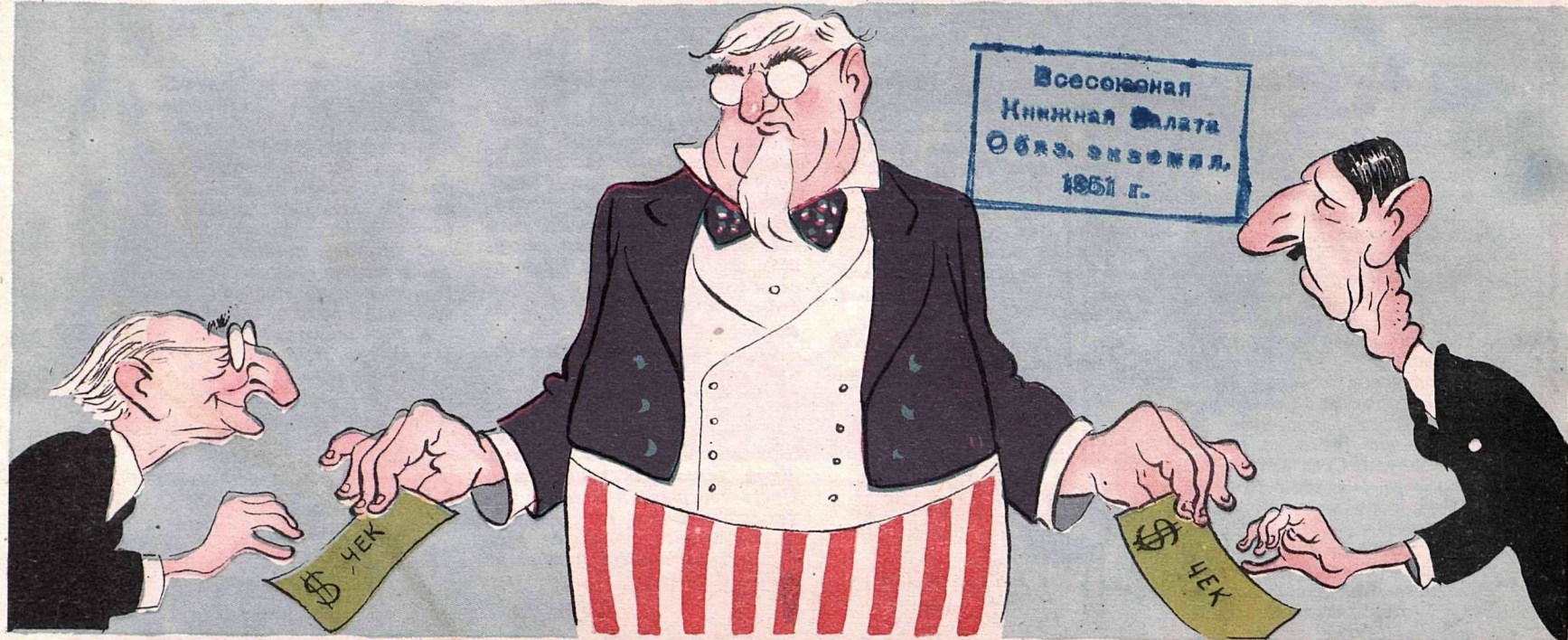
40

30 ИЮЛ 1951

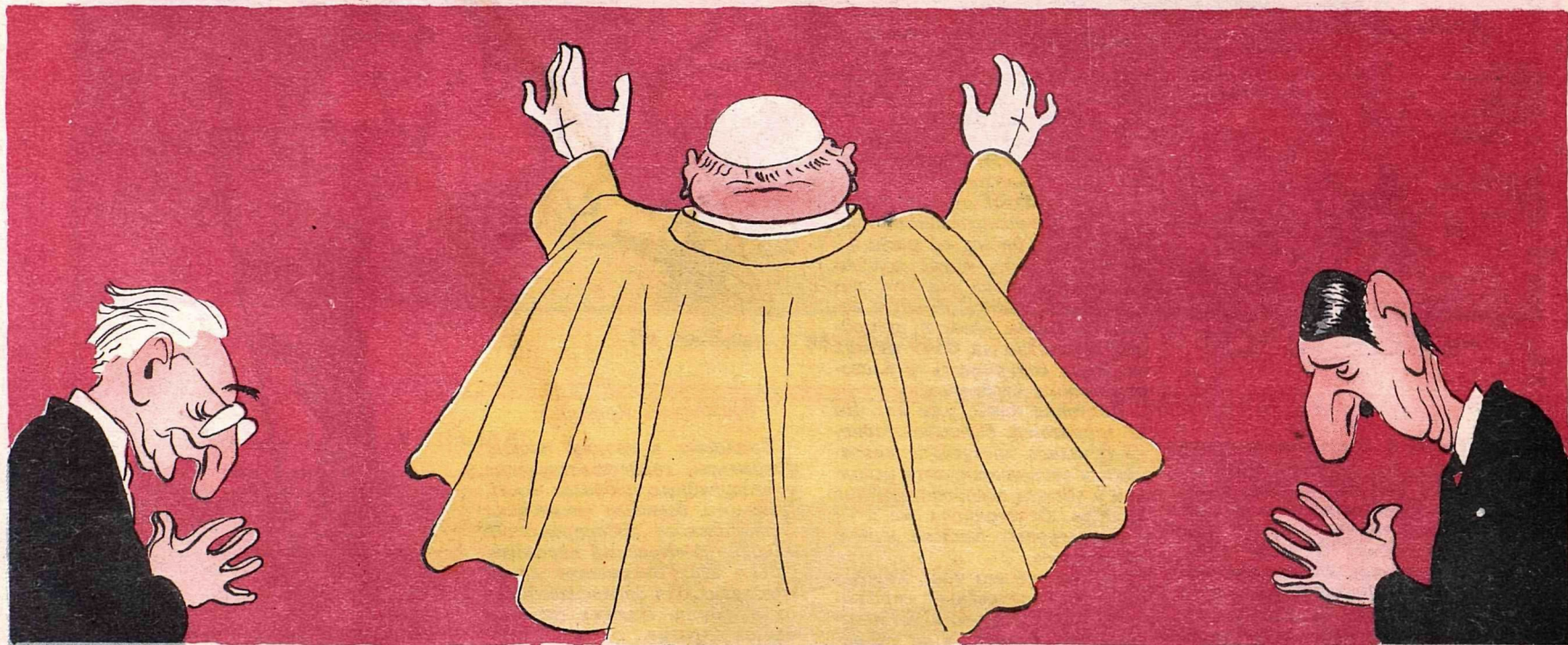
6816

Рис. Вор. ЕФИМОВА

СКАНДАЛ В «БЛАГОРОДНОМ» СЕМЕЙСТВЕ

Дядя им помогал.

Папа за них молился.

И всё же их постигла неудача.